

Сауле

Беккулова

кандидат искусствоведения,
доцент, член союзов художников
СССР и Казахстана

БАЛТИЯ ГЛАЗАМИ ЛЮБВИ, или СОЛНЦЕ – В НАШЕМ ДОМЕ!

Эссе

Балтия в нашем представлении обычно видится некоей отдаленной державой из трех прежде союзных стран. Скандинавия – географический «тигр» – отстоит отдельно. Но всё оказалось условно и переменчиво. Хотя об этом сказочном северном крае я мечтала с детства. И прежде всего благодаря чтению «Калевалы» и сказкам народов Латвии, Эстонии, Литвы, Финляндии, Швеции, Дании...

Заворожил Тур Хейердал книгами «Путешествие на “Кон-Тики”», «Аку-Аку». Это были мои первые впечатления о далеких морских островитянах, увиденных глазами романтика. Страстно мечтая о несравненном будущем братстве людей всей планеты, он нуждался в доказательствах материальных. То есть следовало познакомить человечество заново с истоками праистории, указав прямо на сходство обычаев, традиций, средств передвижения и общения, объединяющих континенты. Не разность, но сходство. И – преуспел в этом, потратив всю жизнь и все ресурсы. Конечно, прежде всего обосновав – научно! – траектории движения морских течений меж материками. Плюс – типы морских кораблей, соединивших эти пути. Создавая по крупницам, он воссоздал реальное «лицо» древних плавучих средств из тростника, и затем состоялись экспедиции по этим маршрутам, которые он сам возглавлял. «Ра» – имя бога Солнца. Им он нарек свой корабль и в первом, и в следующих вояжах. Состав морской команды комплектовал из столь же одержимых идей, ведущей Хейердала по жизни. Специалисты своего дела, сильные, молодые, здоровые, они влились в команду упрямого вожака, объединившись в одно целое. Итальянцы и арабы, норвежцы и немцы, африканцы и азиаты, москвич-врач Юрий Сенкевич и другие, они олицетворяли собой идею братства народов. И, научно обосновав свои предположения и находки, защитив диссертации в Дании и США, дискутируя и воюя с научными светилами разных регионов, он пришел к торжеству мысли о возможности и необходимости сотрудничества и дружбы меж народами, нациями, учеными мужами всей Земли. А в поездке по Советскому Союзу еще раз удивился и удивил, споря с учеными в Азербайджане о происхождении викингов и аборигенов Каспия. Всё доказывает общие корни. Прежде всего – рисунки на скалах, петроглифы и отдельные предметы быта. И языковое сходство. То есть то, чем в течение всего жизненного пути занимается и наш легендарный **Олжас Сулейменов**, ища и находя признаки единства в языках человечества.

А потом – знакомство с творчеством Пер Лагерквиста, почти вовсе неизвестном у нас. «Сельма Ла-гер-лёф» – по слогам, поучительно произнес Евгений Матвеевич Сидоркин, наш гениальный график и чудо-человек. Но я настаивала: «Нет, не “Гуси, Нильс и пр.”, это писатель совсем иного толка. И он – лауреат Нобелевской премии», – уверяла, стесняясь, старшего друга- энциклопедиста. Чуть позже он признался, что «не знал. Теперь – знаю». Но не в отдельных «звездных именах» дело. Меня бесконечно привлекала мудрая неспешность и суровая красота и героев эпоса, и природы, ими населенной: море, дюны, холод, строгость и мужество. А в женщинах – плавная и сияющая сила обворожительной северной красоты.

Знакомство с моей сокурсницей по Питеру в стенах Академии художеств оказалось тоже неслучайным. Только на старших курсах, во время сессии. **Ксана Рудзите** поразила с первого взгляда: нежная, тонкая, высокая, с огромными сероголубыми глазами и мелодичным «медленным» голосом. Я любовалась издали, а она вдруг заговорила. И сразу – сплошные откровения. И – приглашение в гости, в Ригу, не откладывая. Ведь мы – почти выпускники.

Эстонская делегация

В Музей искусств им. А. Кастеева часто навевывались гости «заморские», из числа избранных. И дабы не уронить престиж национальной сокровищницы, тем паче – родной страны, следовало постоянно изучать материал истории искусств – особенно Казахстана, поскольку глубоко и фундаментально этим еще не занимались на уровне отечественной науки. Вот тогда судьба подарила встречу с **Аланом Георгиевичем Медоевым**, энциклопедически эрудированной личностью. Он провел со мной в своей экспозиции порядка трех часов – ослепительно ярких и глубоких. Вся праистория казахов – от палеолита до современности – на материале каменных стел, петроглифов и первых находок из курганных захоронений вплоть до стендов с фотосъемками раскопок древних городищ предстала в образе блистательной истории моих – и ваших! – прапредков, обитавших в этом ареале тысячелетия тому назад, приближаясь к современности.

Сотрудники не слишком любили этот огромный, так называемый «вводный» зал. Слишком труден и специфичен материал. А мне он доставлял удовольствие именно безмерной глубиной открытий – они поражали! И заставляли биться сердце гордостью и восхищением. Это теперь, через несколько десятков лет, всё предстает в ином свете. К счастью!

В экспозицию этого зала пришла делегация русских высоких мужчин, говоривших по-русски и английски. Мне предложили сопровождать их. И они выбрали прежде всего «Древний Казахстан», а потом – прикладное народное искусство, и обозначили время пребывания – 40-50 минут. Мы вошли в древнюю колыбель пракультуры казахов, связанную во многом с другими в разных ареалах земного шара. Я пыталась спешить, но мои слушатели мягко предложили: «Спешить некуда, всё очень интересно!» Мы, переходя от петроглифов с колесницами и человеком-солнцем к сценам военным, с божествами и луноликими женскими абрисами, добрались до саков, скифов, «звериного стиля», затем – времени первого каганата, – государства тюрок – Культегина и культу матери-богини Умай. Следом – воинские традиции этого периода, когда предводитель выбирался по военным заслугам, а не происхождению, затем – женский культ в истории жизни и культуры с массой аналогов в индейской, индусской и других культурах. Ар-

хитектурные шедевры средневековья с их вечными мавзолеями и городищами, вошедшими в людскую память силой любви ее героев – став эпосом и песнопениями, столь естественными для казахов степей и гор с их высотой и ширью.

Словом, около двух с половиной часов я сопровождала наших балтийских гостей, а они продолжали выспрашивать о традициях быта, искусства, музыки, литературы уже в галереях всего третьего этажа музея. И, наконец, завершая сей тур, предложила им продолжить наше «путешествие» по трудам отдельных ученых, назвав несколько имен: Юрий Лотман и др. Заметила, как вспыхнули глаза у моего ближайшего спутника. Позже оказалось, что он с ученым знаком лично, их связывает общая творческая работа, что он живет в Каунасе, в Литве: «Это – рядом». А сам он – выпускник Ленинградского университета, факультета восточных языков. И сейчас – сопровождает министра своей республики, шефа Госкомитета по печати. Я проводила их до выхода – этикет не позволял удалиться прежде! – а они всё забрасывали меня вопросами, желая непременно еще что-то узнать. Словом, обменялись координатами, обещала появиться в Эстонии в ближайшее время.

Артур Лааст. Таллин

А вечером раздался звонок домой. Это Артур Лааст попросил теперь же о встрече, дабы узнать о художниках-уйгурах и... У них – два дня «в запасе», и я согласилась. Но «не ведала, что творю», так как планов относительно Балтии не было вовсе.

И вот – спешная поездка из Ленинграда – в Ригу. А Таллин – по пути. По телефону с Ксаной мы договорились о дне и часе. Артур ждал в Таллине. Но... В Питере после холодной весны еще не стало вполне тепло, хотя лето по календарю обещало жару. Увы!

В поезде попутчики рьяно совещались и предлагали мне следовать их советам: «с гостиницами – сложно, мест нет, на квартиру – опасно, незнакомые люди» и пр., и пр. А я, экипированная «по-осеннему» в кожаный плащ, свитер, джинсы и сапоги, после бессонной ночи «выпала» из вагона в полубессознательном состоянии. Помня напутствия, отправилась в Вышгород – центр старого Таллина, с намерением передохнуть и звонить Артуру о прибытии. Телефонов не нашлось, спрашивать кого-либо уже не было сил. Шагнула за ограду огромного «дувала» к отвесной стене похожего на старый замок строения. На краю ярко-зеленой поляны с огромным дубом опустила на траву, сняла верхнюю одежду, сапоги, откинулась на ствол дерева, закрыв глаза... Как на ладони – внизу сплошная мозаика веселой красной черепицы строений, старых домиков, шпилей, ворот и разных украшений, звонкие краски листвы... Но это всё возникло после. Разлепив веки, удивилась. Синь неба над головой, я – на склоне горы под раскидистой дубравой. И тихие ласковые голоса неподалеку. Оказалось, хозяева сего дома охраняли мой сон. Страшно смутившись, пыталась извиниться.

А они, кивая, предлагали войти в дом. И румяный улыбчивый мужчина в майке, и его синеглазая жена говорили... по-эстонски. Но я, испуганно заметив, что пробыла там около двух часов, заспешила «на выход». Что делать? Как Дед Мороз, в своей «амуниции» я едва добрела до фешенебельного отеля «Олимпия» (оказалось, «Интуриста») и вошла. Протянув на ресепшн паспорт, молча ждала. Вокруг – гости – просители, и холодное «No, No!» звучит рефреном. А мне вдруг

по-английски очень любезно предлагают подняться на этаж в сопровождении некоего «боя». Плохо соображая и вовсе не ориентируясь, попадаю в двухместный номер с великолепным интерьером в стиле модерн: от формы и цвета мебели до жалюзи и портьер на окнах. Благодаря, закрываю за собой дверь и вновь как в омут. Усталость сказалась так! Когда, придя в себя, пришла вновь на первый этаж отеля, мне без обиняков предложили аппарат и соединили с министерством. Боже, как шумел тихоголосый Артур! Он там поднял на ноги едва ли не весь дипкорпус! Безмятежно призналась в своем местонахождении, известив, что утром – а был уже конец рабочего дня! – мне нужно отбывать в Ригу. То есть весь световой день у меня «пролетел». Он всё же прибыл вскоре за мной и уже неспешно и профессионально знакомил с достоинствами любимого родного города, вода и по старым улочкам, и в фешенебельные современные строения, и по центру. Признаться, что я уже не в состоянии ни бродить, ни что-либо воспринимать, было неловко. А еще, стыдно признаться, терзало чувство голода. О чем Артур не подозревал. Наконец, приведя уже ближе к полуночи в отель, предложил «чашку кофе». И мне в баре поднесли некий сосуд размером с наперсток с крепчайшим черным кофе и сухарик на «вертеле» – это была зубочистка, которые позже наводнили наши столовые и кафе. Слишком хорошо воспитанные, мы не признались тогда ни себе, ни другим, что подобный «этикет» отнюдь не способствует дружбе. Но сказать об этом?! Переписка и телефонные беседы позже переменили ситуацию. И Артур радушно и настойчиво позвал вновь в Таллин, когда я училась в том же Питере в аспирантуре. И была поездка в Сааремаа, и прогулки у моря, и походы в музей Таллина, и в гости к ним в дом... Но в тот первый раз я погрузилась в поезд «Таллин – Рига» с радостью, зная, что подруга Ксана, ее семья, родители, родные, друзья – ждут!

Рига

Рома, муж моей Ксаны – художник потомственный. Живописец. И очень добрый, улыбчивый – умница человек. В доме родителей Ксаны все были в сборе: отец – капитан дальнего плавания, мама – искусствовед, сестра и Анечка, крошечная дочка моих друзей. Венчал компанию за столом огромный черный пес с умными глазами. Лишь раз приблизившись, он далее «соблюдал дистанцию», добродушно наблюдая. И было Балтийское море с бледно-золотистым пляжем – дюнами, и мерцающее серебром седое марево, и поездки в Юрмалу и по городу, и пешие прогулки по реке и в музеи, и в Кафедральный собор...

Мы удивительным образом сблизились, как родные люди. А потом годы и годы это тепло встреч длилось, суля всё новые открытия. Так я узнала, что **Рудзитис** – первый балтийский подвижник и создатель Фонда Рериха – родной дед моей Ксаны. «А я думала, ты догадаешься», – с улыбкой призналась она много позже. Так и случилось.

«Флейты голос нежный...»

В истории мирового искусства особое место принадлежит Рембрандту Харменсу ван Рейн. Голландец родился в счастливый для своей страны год, вместе с Первой буржуазной революцией, приведшей его страну в ряды крупнейших мировых держав. Молодые, здоровые, крупные, они унаследовали воинственный и добродушный нрав предков-нидерландцев, выросших на воде. И отвоевали у

старой британской империи право верховенства в судоходстве. А значит, и первенство в торговых морских операциях в дальние восточные страны, и первенство в создании не только флотилии и кораблестроения, но и целой армии артелей, поднявших благосостояние этой провинции на высокий уровень. И, как следствие, довольство жизнью победителей, и возникновение множества мануфактур по рукотворным изделиям прикладного характера – и ткачество, и фарфор, и серебро...

Но более всего расцветает в этом мире победителей любовь к живописи. Пишутся бесчисленные портреты воинов и их семей, парадные портреты всех мастей, яркие, праздничные пейзажи и натюрморты. Целая школа «малых голландцев». И на этом фоне возшел звездой первой величины **Рембрандт**.

Родом из бедной семьи простолюдинов на реке Рейн, он был младшим среди множества детей, что наследовали профессию отца-мельника. Но мать защищала склонность малыша к уединению и бесконечным попыткам всё запечатлеть: на стене, на печке, на песке... И возникали забавные сцены из обычной жизни. Но более всего – собственное лицо и фигура, автопортрет. Через годы он именно в этом жанре остановит миг Прекрасного навечно. Не было более в мире никого, ни до, ни после, кто сумел бы передать всё совершенство и ничтожество земного бытия через собственное изображение. И, пройдя все этапы жизни, от триумфа и головокружительных взлетов до нищеты и забвения, Рембрандт сохранил главное – верность себе. Потому его портреты любимой в образах библейских героинь столь волнуют глаз и душу: «**Флора**», «**Портрет Саскии**», «**Даная**», его единственный сын, запечатленный в композиции «**Давид и Ионафан**», «**Давид и Урия**». Дорогие сердцу и уму художника близкие люди вызывают к нам, сегодняшним, с холстов и графических листов с таким пониманием, сочувствием и добротой.

Неслучайно человечество наделило его правом зваться «**Богом живописи**» через годы и годы после ухода из жизни. На одном из заброшенных чердаков французский художник Делакруа обнаружил холсты. Забытые, в пыли времени...

И слава вернулась к Рембрандту, озарив его облик всечеловеческой мощью и красотой. Бог времени Хронос был побежден. Пришло Бессмертие.

Но вот что прельщает меня все годы жизни в этой фигуре – его жизнестойкость и преданность: делу своему, любимой женщине, родному Отечеству.

Это роднит его и с **Туром Хейердалом**, и с **Григом**, музыка которого вошла в анналы мировой классики, и с **Пер Лагерквистом**, и с **Чюрлёнисом**, воплотившем музыку свою в живописных и литературных композициях и, конечно, с образами средневековых рыцарей Скандинавии, воплощенных в поэзии латов, литов, эстов, финнов, шведов. А мне ближе **Николай Гумилёв** с его легендами-поэмами о скандинавском эпосе.

Но вернемся в день сегодняшний.

Той зимой мой «прилет» в Ригу – был экспромтом. Приглашение и виза пришли в Москву, к моим друзьям. С самолета пересев на поезд, через сутки была в Риге. Снег, мороз, ветер? Нет, на вокзале оказалась под теплым ливнем, который «прошил» мою дубленку. Ксана, запыхавшись, встретила меня на перроне, и мы, не мешкая, помчались на такси домой, в Pļavnieki (микрорайон). Горячая вода дождя прошла насквозь, вся одежда промокла. Но вот что интересно – за окном уже бушевал ветер и сильный снегопад. Переодев меня, Ксана увлекла за собой. И мы смеялись: это я привезла в декабре южное солнце в страну балтов.

А вечером, загадочно улыбаясь, Ксана повезла меня в центр. Близилось Рождество. Всюду сверкали огнями гирлянды елок, празднично сияли витрины магазинов, увитые хвойными лапами. Ветер стих, но температура упала и было вовсе не жарко. Сквозь нарядные огни зданий мы приблизились к толстым стенам некоего храма, вошли и... Почти ничего не видно. Без освещения. Вдоль затененного камня, по булыжной мостовой мы проникли вглубь этого двора, остановились на миг. Заметила часовню, а следом – вертикали собора, купол... И вот тогда, замерзая и предчувствуя нечто необыкновенное, я услышала...

Тихо взмывала к своду небес мелодия откуда-то снизу, где-то рядом, но... Никого! И я посмотрела на Ксану. Она молча улыбнулась, не ответив. Мы стояли и... земля поплыла под ногами. А мелодия Грига реяла под незримыми сводами небес, то затихая, то взлетая, то смолкая. И не было места ни печали, ни словам, ни вопросам... С нами голосом флейты говорила Жизнь. Или вечность?

Наконец, мы тронулись в обратный путь. И никакие фонарики и людские празднества не могли погасить ту мелодию. В призрачном свете зимней снежной ночи она осталась в средневековых стенах храма и... в душе.

А на выходе я заметила наконец: прямо на земле сидел, поджав ноги, припав к стене, юноша. «Это студенты», – шепнула Ксана. И музыкант играл на флейте, никому ни о чем не жалуясь и не ожидая mzды. Он дарил нам свою душу в этот день и час, делясь мечтой о завтрашнем, не так ли? И живет в моей памяти обещанием чуда. Ведь Рождество – всегда обещание?!? И когда в густых зимних сумерках ты окружен каменной средневековой стеной рядом с легендарным Домским собором, то музыка холодной ночи обязательно должна говорить с тобой голосом флейты, трогая сердце... Вот так одарила меня Ксана однажды и навсегда, точно зная, что я никогда этого не забуду. Она была права...

Одесса моих друзей. И моя

То лето было жарким. Отправляясь из горячей Алма-Аты в Питер, надеялась вдохнуть прохладу любимой северной Пальмиры. Предстояла встреча с научным руководителем моей диссертации. Конечно, волновалась. Уже шла речь о сроках предзащиты, возможно, в этот мой приезд. А дальше, поскольку время отпуска позволяло, собиралась в Ригу к друзьям. Там ждали меня скульпторы, художники, теоретики искусства и, конечно, семья близкой подруги Ксаны. Но прежде – море Балтии.

Летела через Москву. А там, «неосторожно» позвонив Ю. Л. Чернову – «главному скульптору СССР», как шутили его коллеги, услышала про выставку «Скульптура малых форм» и научно-практическую конференцию в Риге. Просьба непременно отсмотреть работы и участвовать в конференции несколько смутила. Но что делать? Профессиональный долг велит! Дала согласие, не раздумывая. А в Питере испытала шок от той легкости, с которой мой шеф перенес срок моей предзащиты на осень, даже не предупредив заранее.

Но телефонный разговор с Ксаной всё переменял. Обычно очень сдержанная, она сразу с жаром спросила: «Так ты – в Ленинграде? Приезжай! Мы ждем! Девочки спрашивают – когда. И Рома...» И, сразу повеселев, я была озадачена только одним – достать билет на поезд. Получилось сразу, в тот же день. А вечером...

Гостиница ЛОСХа (ленинградского отделения Союза художников СССР) на улице Герцена, в самом сердце города, была мне уже хорошо знакома. И в этот раз

ее радушная и строгая хозяйка, смеясь, сообщила: «Приняла сегодня утром целую “флотилию” одесситов. Классные ребята, увидишь!» Не придав значения этому сообщению, убежала на Васильевский, к руководителю. А он уже, оказывается, звонил и говорил с ней. Видимо, с намерением предупредить ожидающее меня нерадостное известие. Но, вернувшись к вечеру, уже с рижским билетом и, полная ожидания радости, я и не предполагала, что меня что-то еще может удивить.

Молодой пухлощекий, раскованный юноша – оказалось, школьник, преградил путь с вопросом: «А Вы в Одессу не хотите?» Что он из группы гостей, за которых была оповещена утром, не подумала. Но, сраженная его вызывающим тоном, ответила сразу: «Зачем?» Он вдруг остолбенел: «Понимаете, у нас планы переменялись. Едем в Москву. А у меня билет. Надо ехать обратно. И вот...» Он так умоляюще смотрел, разводя руками, что я не выдержала: «Хорошо, неси билет». И он стремглав кинулся в конец коридора. Тотчас вернулся, держа в руке, и спросил: «А Вы там уже бывали? Дать Вам адреса, если что?.. Или телефоны моих?» Я растроганно заверила его, что – всё в порядке, вручила деньги и поспешила в свой номер. Через пару часов с Финляндского вокзала отбывал мой поезд. Об Одессе тотчас забыла. А школьника следовало выручать – откуда у него средства вдали от дома... С этим и отправилась по маршруту Питер – Рига. Затаив боль от пережитого испытания несостоявшейся серьезной, жизненно важной вехи пути и не собираясь ни с кем делиться. Как обычно, как всегда. Делиться нужно радостью! А боли и так предостаточно у каждого!

Рига. Выставка скульптуры

Как и прежде, приехав в дом Ксаны и Ромуальда, ее супруга-художника, бесконечно радовалась звенящему смеху детей, их вопросам, живому интересу ко всему, что было связано с моей особой! Мы с младшей Машенькой могли часами заниматься «живописью». Благо, краски в доме не переводились. Старательно, пристально вглядываясь, малышка наклоняла головку то в одну, то в другую сторону, оценивая изображение. Это мы вместе гуашью «писали» пейзажи. Ребенок восхищенно и доверчиво выпрашивал: а как лучше держать кисть? А как разводить краску? А сколько воды можно или нужно? Словом, нам было очень «нескучно». И, оказалось, запомнилось на всю жизнь. Сейчас у нее подрастают свои двое малышей. Но тогда...

Я, как обещала в Москве, приехала в Кафедральный собор, где была экспозиция выставки. Встретилась с нашими мастерами ваяния из всех регионов СССР. Выступления на теоретическом форуме, конечно, касались проблем скульптуры в городской среде, их важной роли в формировании эстетики и пользы для горожан разных регионов огромного государства. Об этом написала, переслав в Москву и получив одобрение. А отпуск? Он протекал в том «рабочем порядке», что задал дух творчества – сначала в экспозиции выставки, потом – в жарких прениях конференции. И, наконец, в «ваянии» моего автореферата о перспективах искусства молодых художников Казахстана.

«Лиловое пламя»

Но случились и совсем иные впечатления. Так, ожидая конца рабочего дня моей Ксаны, опустилась на легкую скамью близ Музея. День был нежаркий, но теплый. Тихо моросил дождь, едва заметный. Задумавшись, не сразу ощутила

чь-то присутствие. Это туркменский скульптор присел рядом, что-то спрашивая. Очнувшись, подняла глаза и выдохнула: «Посмотри! Лиловое пламя!»

Прямо напротив, у стены старого здания Музея, цвели ирисы. Высокие, нежные, яркие, они под завесой летящего дождя вдруг осветились солнечным лучом. Засеребрились, трепеща и, казалось, взмывают вверх, пламенея и дрожа. Глаз не оторвать!

А потом – напряженный взгляд нежданного свидетеля и вопрос: «Не замерзла? Не хочешь поесть? Я здесь постоянно голоден без мяса...» Так, «опустив на землю», сей «зритель» стал что-то выспрашивать. Едва хватило терпения и сил не ответить резкостью. Поспешила ко входу в Музей, благо, время встречи с подругой уже подошло.

Сюрприз Ксаны

Страшно занятая работой, творчеством, хлопотами с двумя детьми и заботами домашнего плана, Ксана решила устроить мне сюрприз. Я сопротивлялась. А прежде, между слов, обронила, что у меня – ж/д билет на Одессу. И что я уже пыталась там, на вокзале, его вернуть. Получив отказ, не слишком огорчилась. Не помочь тому юному одесситу казалось кощунством. Ксана улыбнулась моему рассказу, но и только. В один из дней предложила вместе поехать в центр. Из микрорайона Plawnieki – путь неблизкий. Но согласилась с удовольствием – вместе проведем время!

Приехав на железнодорожный вокзал, удивилась. Ни шума, ни суеты, ни толпы. Тихо, просторно, красиво! Взлетают невесомо-высоко стеклянные стены с легким затемнением, гулко отдаются шаги, огромный зал без перегородок и кричащих красок... Лето, июль, у кассы южного направления – очередь. Молча, спокойно ждут...

Всегда неспешно-медлительная, хрупкая, Ксана вдруг решительно ведет к окну. Спрашивает: «Есть билет в Одессу?» Все молчат, наблюдая. Я начинаю пятиться, стыдясь. Кассир, не поднимая головы, бросает: «Нет, конечно!» А потом слышу ее голос: «А кому?» Увидев меня, внимательно смотрит и как-то по-домашнему кивает: «Когда хочешь?» Ксана отвечает за меня: «Сегодня, завтра, когда можно!» И вновь кассир мне: «Ночью сегодня хочешь? Только купе не мягкое! А место – внизу». Ксана моя быстро протягивает деньги. Берет билет. А я, сгорая, смотрю на очередь, не зная, что сказать. Но – странная вещь! Вместо неодобрения или замечаний слышу: «Увидимся в Одессе! Тебе понравится!» И – улыбки.

«Что это было?» – обращаюсь с недоумением и обидой. А Ксана в ответ: «Ну, не каждый же день к ним едет такой гость!» – «Какой? Ты о чем?» – «Да ты подумай сама! Через три республики, по всей западной границе, ты проедешь с людьми, которые там живут! И я знаю, уверена, тебе там понравится!» – «Но у меня нет с собой адресов друзей-архитекторов, художников, дизайнеров. Только один – Толика. Он работает в Западном Казахстане вахтовым методом». – «Вот он и встретит!»

И мы пошли звонить. Автомат соединил сразу. И раздался такой вопль радости, что даже Ксана услышала и рассмеялась. «Ты где? Я дома, на две недели. Приезжай, прилетай, тут мои друзья ждут! Когда? Так я встречу, обязательно!»

«Не волнуйся, всё получится, вот увидишь», – тихо убеждала Ксана, шагая рядом. А много позже объяснила: «Ветер калининградского направления». Оказывается, после чернобыльской аварии многие в Риге стали болеть. Особенно

дети. А предшествующей нашему походу на вокзал ночью, взлетев с постели от глухого кашля из детской, мы держали на подоконнике распахнутого окна Машеньку, мою любимицу. Пока спазм не прекратился. А у меня в те дни страшно болела голова. Пыталась молча преодолеть, не зная истинной причины.

Поезд на Одессу

Три дня купе наше не закрывалось. Люди входили и выходили, несли домашнюю снедь – угощения. И, не переставая, «травили байки». Я охрипла от смеха. Сводило мышцы живота. До кашля, до слез. А мои соседи не унимались. Опекали и развлекали до последней минуты пути.

На перрон Одессы я «выпала» вконец обессиленная. И – довольная. Никаких головных болей, никаких проблем и масса добрых, удивительных попутчиков. Они высыпали на платформу и критически приняли появление моего встречающего. Он, как колобок, пухлый, маленький, с громадным букетом темных роз «подкатился», неопознанный. Выглянув из этой охапки, спросил: «Не тяжело?» Ни приветствий, ни теплых слов, ни явной радости встречи... Я пыталась удержать дорожную сумку, что вручили мне попутчики. Кто-то сурово произнес: «Ты смотри, береги ее, понял?» – «Понял», – ответила «клумба роз». А я уже удалялась, прощаясь на ходу и благодаря этих солнечных спутников.

Одесса. Первые часы

Признаю, что с детства в сознании укрепился некий «легкий» подход к сей «обители юмора и приключений». Книжки, фильмы, анекдоты, байки как бы утверждали подобное восприятие. Даже мой вполне серьезный друг, доктор, алмаатинец Коля Чиликов после поездки туда изрек: «Знаешь, как одесситы зовут свои новые “Нивы”? “Летающие зубила”!»

Словом, настрой был далек от восторженного. Но легендарный «Броненосец Потемкин», знаменитая, его имени, лестница – точно как в Риме, великолепный старый театр оперы и балета, но загадочный Ришелье на постаменте... А главное – море. Волшебное, Черное...

А теперь представьте. Вручив розы, от которых было освободил меня прежде, спутник мой бегом устремляется к дороге, размахивая моей сумкой. На ходу останавливает... троллейбус. Запрыгивая в среднюю дверь, кричит: «Девочки, миленькие, пропустите девочку с розами! Она – моя гостья!» Меня тотчас подхватывают, «вставляют» в салон, и тотчас в забитом людскими телами пространстве образуется «коридор». Меня аккуратно усаживают, тотчас освободив место. Через несколько мгновений вопль повторяется: «Девочки, пропустите мою гостью на выход!» Острые шипы роз не дают шевельнуться. А рядом: «Ну, если “девочки”, то можно!» И две седые дамы расступаются перед дверьми. Всё – неспешно, с достоинством, без улыбки. «Выпав» из толпы на мостовую, вопрошаю: «Что это? И почему – не на такси?», – «Так в этот час их не найти. И – очень близко, не повезут. А мы – у дома!»

Под белесым небом июльского утра вдруг вижу огромную новую скамью из дерева. Прямо перед трамвайными шпалами. А сверху – пышные кроны огромных тополей, берез, вязов (у нас их зовут карагачами). «Совсем как дома» – успела подумать, опускаясь на скамью – широкую, светлую, струганую, без краски. И потому – свежий аромат дерева.

Уютная, чистая, старинная улица была столь знакома, что заметила вслух: «А здесь всё как в Алма-Ате. Даже деревья».

Толик довольно засмеялся: «Погоди! Я еще тебе такое покажу! Тебе понравится! – повторив слова рижан и одесситов. – У меня – классные друзья! Они все – семейные. И все ждут тебя».

Потом был старый дом в самом центре Одессы. С «колодцем», как в Питере, когда квадрат двора замкнут стенами. Громкие голоса обсуждающих что-то соседок. И комната – только моя, огромная, тихая, с музыкой Серджи Эндриво и Криса Ри. Точно вновь я – в Питере моем. Трое суток пути дали себя знать лишь теперь. И – провал в сон, до вечера, почти на целый световой день. Я отдышалась наконец от «бортовой и килевой» качки и тряски в поезде. Слушая в бархате ночи, по-алматински густой и теплой, как плывут любимые голоса певцов, надеялась и эту ночь провести наедине с музыкой и покоем. Но Толик, постучав, попросил прийти в его комнату: «Пора пить чай!» Неловко было отказаться, тем более – жаловаться. И, быстро экипировавшись, я вышла. Он, сопровождая по коридору с множеством дверей, проговорил: «Соседи мои, к счастью, добрые, знают меня с детства. Все сейчас – в отъезде, на дачах или дальше. А ключи оставляют мне. Доверяют. И твоя комната потому – свободна. Да, хочешь с мамой познакомлю? Сейчас». И распахнул дверь в такую же просторную залу. Шагнул в сторону шкафа при входе, что-то взял с верхней полки. Но никого в комнате я не увидела. А он, торжественно разворачиваясь, протянул мне фото в рамке. Улыбчивое лицо брюнетки в коротких кудрях, с крупным ртом и прямым носом было очень знакомо. «Ну вот, знакомься, это – мама моя!» Толик смеялся, а я огорчилась и растерялась. «Не смешно! Зачем ты так?» Он смущенно пробормотал: «Да их обоих давно уже нет. Они были молодыми, когда... В общем, сейчас я – один. Так что ты не думай!..» И тотчас, как бы поправляя себя на бодрый лад, произнес торжественно: «А я уже успел на Привозе побывать, купить самое нужное и приготовить мясное блюдо. Ну, и траву всякую, фрукты. Ты любишь? Да, еще на стадион сбегал!» Я опешила: «На какой стадион, зачем? И, извини, что такое “привоз”?» А он, подводя меня к накрытому столу, заявил: «Ну, это нужно знать! Как же ты? Не ожидал! Ну ладно, скажу... А лучше завтра отведу, ладно?» И, придвигая мне стул, продолжил: «Садись сюда! А хочешь, на диван. Только тогда – спиной к окну. А музыка? Давай я притащу ее сюда сейчас? Ведь тебе нравится?» Я слушала, чувствовала какое-то замешательство, и его суета меня вконец утомила: «Что ты так волнуешься? Что случилось? Я еще не вполне пришла в себя, но прекрасно вижу – что-то не так. Что случилось, говори же!» Тогда он, опуская глаза, произнес, как обиженный ребенок: «Да я тут всех на ноги поднял! Из самых близких! Но никого не позвал, как обычно, домой. Ведь вахта моя дает две недели отдыха, а уже неделя прошла. Хотел тебе сразу предложить поехать к морю, к друзьям, в парки, в ресторан, а ты... Такая бледная, худенькая, едва на ногах держишься. Что-то случилось? Я еле-еле дождался, когда ты встанешь. И тебе надо как следует есть, пить, спать. Словом, поправляться. А то, не дай Бог, заболеешь... Ну, ладно, это всё – не то. Ты поешь, а я схожу в магазин». И, пряча глаза, убежал. Но вскоре вернулся веселый, держа булку свежего белого хлеба. «Ой, а я-то, оказывается, и утром уже купил...» Тогда я спросила прямо, уже сердясь: «Объясни, пожалуйста, восточному гостю. У вас

так положено – садить гостя за стол и – сбегать? Я ведь не могу одна. У нас, да и вообще у всех, так не принято».

Пристыженный, покраснев, Толик опустил глаза: «Ну, я хочу похудеть. Поэтому не ем. Ничего. Только воду пью. И специальный костюм купил: в нем бегаю на стадион. И уже начал худеть. Вот...» Это могло кого угодно рассмешить, но передо мной, кусая губы, стоял старший друг, ожидая участия и понимания. А я, признаюсь, давно заметила за собой: если кто-то рядом со мной отказывается от пищи, то у меня напрочь пропадает аппетит. Так что усилия Толика накормить меня своим шедевром успехом не увенчались. Он продолжал утром и вечером «бегать» на стадион, откуда возвращался «бледно-голубой» с потеками на лбу и щеках. И – о, ужас! – так несчастно и горестно взирал на свои блюда, коими пытался накормить меня, что у меня не только аппетит пропал, но и начались сильные спазматические боли. Он не понимал, не догадывался о причине моих недомоганий, обиженно-страстно настаивал, убеждал, что мне есть необходимо; а я всё более напрягалась, терпя острые боли и не понимая, в чем дело.

Однако ответить отказом в тот первый вечер не могла. Мы пошли по благоухающему теплому городу под звездным куполом в направлении моря. Но спуститься по «потемкинской» лестнице не решилась, отказавшись. А на берегу ждал сюрприз. Мы вошли на палубу пароходика, который тотчас тронулся. Внизу гремела ритмичная музыка, пары двигались в спонтанно-боевом ритме танца, светомызыка острыми бликами била в глаза без остановки. Я очень люблю танцевать. Но «здесь и сейчас» это было нереально. Еще не набралась сил. Плюс – качка. И я выбралась наверх, на палубу, под порывы остро-свежего ветра с дождем, и стала потихоньку «приходить в себя». Толик прибежал, испуганно глядя: «Что с тобой? Тебе не нравится? Немного штормит, потому – качка, но это – ничего. Останемся здесь до утра?» На что я призналась, что уже не в силах, что лучше – на землю и домой. Но терпение свое я испытывала более двух часов, так что... Мы сошли на берег, нашли такси, и я наконец вернулась к долгожданному покою. Но и во сне мучила эта цвето-качка. Толик наконец понял, что лучше оставить меня в покое. Хотя бы на время. Только «процедуры приема пищи» он продолжал, изводя меня своей заботливостью и отчаянным голодом в глазах.

Бывшие алмаатинцы

И тут произошло нечто. Толик, оказывается, намеренно никого не известил о своем приезде в Одессу, как делал обычно. Кроме двух одесситов из самых близких друзей. А меня предупредил: «Лучше на телефон не отвечай! А то они прибегут!» Не спросив, кто, заметила: телефон молчит. Только раз я, позвонив домой, отчиталась. И сообщила о дате возвращения, хотя напрочь не знала – как достать билет. И есть ли он в это «курортно-сезонное время».

Звонки начались... в дверь. Словно магнитом притянуло в этот дом ребят из бывших алмаатинцев. Они, входя, внимательно «вглядывались» в меня, затем представлялись, а следом шел бурный поток воспоминаний – вопросов. Восторженно описывали мой родной город: а стоит ли тот магазин «Береке» на Фурманова, а «Столичный» в центре, там всё так же продают рыбу из бассейна? А на Сатпаева «Океан» работает? Мы в этом доме жили. Классно было! А на Медео всё так же – каток, стадион, канатка? И так «заводились», что удержать этот поток было

невозможно. Толик, округлив глаза, всё более удивлялся: «Они же тебя не знают. А ведут себя как родственники. И вообще, я же никого не звал. А они, как по цепочке, идут друг за другом. Ты извини. Они – не самые близкие мне люди». Но, странно, его огорчений я не разделяла. Искренне радуясь их столь откровенной печали по городу, с которым они сроднились, я ободрила их уверениями, что есть самолет. И все расстояния – это иллюзия. Было бы желание! Мы еще непременно увидимся там! И они, откровенно удивляясь такой встрече, не замечая Толика пытались чем-то порадовать и удивить меня. И удивили. Не раз.

Поездка на собственной яхте по морю в вечерний час особенно пришлась. Черное море на закате до тех пор не видела. И – каскад шуток, присказок, словечек всё время держал «в форме». Именно с этими друзьями мы сошли к морю по легендарной, как в Риме, лестнице. Сфотографировались у памятника Ришелье. У меня до тех пор он ассоциировался лишь с врагом номер один трех мушкетеров, а теперь... И прогулкой по городу, тенистым аллеям парка, где некогда Александр Сергеевич собственной персоной хаживал и катался в кабриолете.

Увы, оперный театр был на «летнем ремонте». Зато рядом оказался рестораник совсем особого образца. Мы спустились по крутой узкой лестнице в некое подобие подвала. А там зазвучала музыка, зажглись светильники-софиты и началось что-то невероятное. Скользили официанты, подобные оперным певцам: в смокингах, бабочках, лакированных штиблетах с артистически поднятой головой, прямым торсом и блюдом высоко над головой на подносе, удерживаемом длинными пальцами. «Это что, факиры?» – рассмеялась я, показывая глазами Толику на очередного «мен'а». Он смутился: «Не нравится? Я скажу им». – «Да нет же, нравится, просто всё как-то уж слишком помпезно. А мне хочется танцевать! И этот певец за кафедрой – тоже свежее новшество? Я ничего подобного не встречала. Но голос хорош! Ты не против?» Густо покраснев, Толик вдруг извлек зачем-то часы и засуетился: «Знаешь, уже поздно, давай пойдем отсюда?» Ничего не понимая, поднялась из-за столика с вопросом: «А где же все другие посетители? Почему зал пустой?» И внезапно возник высокий крупный шатен, поклонился и ответил: «А зачем другие? Всё – для Вас! Вам понравилось? Приходите еще, будем ждать!» Он сопроводил нас по лестнице до самого входа, продолжая весело шутить. А Толик уже по дороге домой объяснил: этот румяный весельчак – хозяин ресторана. Он – из прежних сокурсников по политехническому институту. А принимал действительно лишь нас – с музыкой, пением друга-солиста, замечательной кухней и душевным теплом. «Это – вечер дружбы», – пояснил, посмеиваясь Толик. А потом вдруг рассказал о детстве. «Знаешь, отец у меня преподавал в институте политэкономии. Он – из фронтовиков, вернулся на костылях. А я – поздний, больше нет детей. Ну, баловали, конечно. Так вот, я возвращался из школы, распахивал дверь, а он – в кресле-качалке, с книгой. Я закидываю подальше портфель, пока он спрашивает, что я сегодня получил. А я наготове, дверь не отпускаю и говорю: “Исторически так сложилось...” И тут в меня летит костыль. Отпрыгиваю от двери, и на улицу. Вот так я учился в школе. Плохо, конечно. Но потом решил стать инженером. Поступил в политехнический. А потом уже решил, что инженером не заработаешь. И менял профессии: и пивом даже торговал, и на море плавал... А дальше друзья позвали на эту работу в Казахстан. Собираю деньги. Уже прилично. Словом, планы – ехать за кордон. Еще не определился – куда. Но – скоро, через пару лет».

Невстреча с друзьями

Сожалая о том, что координат Жени Оленина и Эдика Пасховера нет с собой, не догадалась позвонить друзьям в Москву. Потом меня укоряли. Но вспомнив слова из письма Жени: «Одесса утомила сплетнями и неподвижностью. Тянет в свободный полет! Пиши, ради Бога!», успокоилась. Оба друга – архитекторы-дизайнеры были в Алма-Ате в группе симпозиума «Художники – городу» под началом **Евгения Абрамовича Розенблюма** – москвича, ведущего дизайнера страны. Интеллигентный, тонкий, благообразный, он поразил воображение материалом и формой его подачи на своих лекциях по искусству дизайна. Это не просто эрудиция профессионала, но неординарное мышление и знание законов природы и психологии человека вкупе с многовековой историей культуры человечества. Тогда для меня впервые прозвучала тема эзотерики и психологии окружающей среды. Пригласив к участию в семинаре, на свои лекции и снабдив домашними координатами, он вскоре познакомил меня в Москве со своей семьей. И эта дружба продлилась на долгие годы.

В Алма-Ате Эдик и Женя, посмеиваясь, ревновали к своему шефу. Но мы встретились позже в Солнечногорске, на другом семинаре, и выслушивали «фантастические планы» Жени о жизни в Америке. Оказалось, жизнь гораздо непредсказуемее любых планов. Взяв мои координаты у дочки Е. А. Розенблюма, Женя звонил мне уже из дома в Нью-Йорке с просьбой сделать видеосюжет, рассказав о нашем любимом мэтре. Конечно, сделала. Помогли друзья-алматинцы. Услышав о моем случившемся ранее приезде в Одессу и «отсутствии данных», очень огорчился. Но... Эдик уже уехал в Израиль, а сам он и в Москве, и в Одессе бывает лишь наездами. И потому встреча откладывалась...

Походы в гости

На пути к дому они обычно сопровождались увлекательными комментариями. Мне нравились эти пешие прогулки по простой причине: великолепные тенистые аллеи в центре Одессы, как нигде, располагали к уединению, размышлениям, отдыху. Заметила, что утром и днем там всегда малоллюдно.

На Привоз заходить не согласилась. Мне приводился аргумент: «у нас тоже – “чрево Парижа”, только с собственным колоритом». Но выбирать следовало то, что ближе. И я выбрала парки, скверы, набережные и, конечно, общение с домами друзей.

Дом «другого Толика» был в предотъездном состоянии. Хотя радушие, теплота и ласка хозяев не могли не трогать сердце. Особенно четырехлетний малыш Эдичка, издали замиравший, не сводя глаз. «Он не общителен, потому что боится», – объяснили мне. Не понимая, стеснялась сама позвать его или заговорить. Ждала.

А у взрослых – своя жизнь. Вот они, вплотную пристроившись на огромном диване, увлеченно смотрят и комментируют видеofilm о животном мире Африки. Снято американскими документалистами. Блестящая озвучка, великолепный цвет, отличная камера. Но меня занимало совсем другое.

Сидя на краешке дивана в крошечной тьме, прорезаемой воинственными и восторженными криками зрителей-«болельщиков», остро чувствую присутствие мальчика – невидимое и столь же явное. Вдруг – прикосновение. Это Эдичка, мой маленький сероглазый принц, положил мне на колени свои рисунки. Молча. Мы вместе покинули шумных взрослых и вышли на свет. Рисунки были чудесные!

А сам малыш так ласково глядел и тянулся, что я скользнула вниз, приобняв его хрупкую фигурку. Мне уже сообщили неутешительный диагноз: слабое сердце, порок, врожденный. Только операция в США может спасти его жизнь. И срок – один год, то есть ехать надо срочно. А это – огромные деньги! Старики остаются в Одессе, сын Толик – тоже. И мать должна спешить, чтобы успеть. Отсюда – постоянный всеобщий стресс! Но друзья делают всё возможное и невозможное, собирая средства на дорогу.

После той встречи в доме родителей малыш, оказывается, попросил отца о встрече со мной. А ведь он всегда молчал!

И стоял теперь на пороге комнаты, выглядывая из-за спины отца. Какие глаза бывают у ребенка, когда он не в силах что-то объяснить и рассказать?!?

Но, присев на корточки возле него, пообещала: «Вот увидишь, мы обязательно встретимся! А ты будешь большим, красивым и здоровым. Обещаешь?» И он, широко распахнув глаза, неожиданно вымолвил шепотом: «Обещаю».

В доме Сергея и Наташи

Толик, предвзяв наш визит, сообщил: «Он – мой самый близкий друг. Если что-то со мной стряется, надежда только на Серегу. Знаешь, однажды мы вернулись домой ночью. Воды не было. Совсем. Тогда Сергей пошел в туалет и из верхнего бачка набрал целый чайник. Так мы его вместе и пили, представляешь?» Нет, не поняла, опешив. Но промолчала.

А день в гостях у Сережи-Наташи прошел замечательно. Трогательная деталь: заранее приглашая на праздничный обед, они предложили к моим услугам... ванну. В старом доме Толика всё было добротным, но довольно ветхим. Хотя высота потолка и размеры кухни – общей, – поражали воображение. Но вода, как горячая, так и холодная, нередко отсутствовала.

Подобное встречалось мне позже в современном доме – на верхнем четвертом этаже, у друзей в Баку. Она подавалась в 4-5 часов утра. На час. Тонкой струйкой или каплями. Ею наполняли все емкости – для пищи, чистки, умывания, уборки и пр., и пр. Конечно, ее недоставало. И это при температуре воздуха +35-40°. Но все молча принимали это как данность.

А в Одессе той поры ее могло не быть и вовсе сутками. Время – конец 80-х – начало 90-х годов прошлого века.

Поначалу это сразило. Оказывается, мы, алмаатинцы, избалованы сверх меры и совсем не ценим этого, всё имея. Однако в тот день и час, оказавшись в ослепительно чистой ванной комнате друзей, оценила. Душистое, огромное махровое полотенце мне было подано в дверь с «извинениями за беспокойство». Словом, Наташа меня обаяла. Она колдовала у плиты над «сотэ» – овощным рагу. И поделилась рецептом. А я, в порыве благодарности и откровенности, призналась о своих проблемах с болями: «Есть совсем не могу и не хочу!» Она, отступив от плиты, спросила: «Ты не смущайся, я врач, пойму. Что-нибудь случилось? Еще до поездки сюда. Ты ничем не отравилась? Не было сильного переживания, подавленного стресса?» И я призналась о ситуации в Питере, еще до Риги. О головных спазмах, а здесь, в Одессе – о желудке. Она всплеснула руками: «Ну что же ты молчала? Это – опасно! Расскажи Толику, обязательно! А Сергею я сама скажу. А сегодня – не бойся ничего! – обязательно поешь. Вот увидишь, все уйдет, правда!» И, смеясь, отвела меня в комнату, где тигром метался из угла в

угол хозяин – Сережа. Он был бледен и расстроен. Толик куда-то вышел. Сказав: «С легким паром!», он через силу улыбнулся. И схватив телефонную трубку, стал набирать номер. Но, едва заговорив, с силой бросил на рычаг.

«Сергей, объясни, что происходит?» – обратилась я к нему встревоженно. И он, в сердцах махнув рукой, стал объяснять. «Понимаешь, уже сроки горят. Мне нужно в посольстве в Москве взять визу, уже есть ответ, а срок – неизвестен. Когда туда лететь? А ведь билеты в Канаду у нас на руках. Матушку мы оставляем здесь, не хочет. А мы с Наташей и сыном летим. Да вот какой-то идиот там слушает и бросает трубку. Я дозвониться уже два дня не могу». Я подняла на него глаза: «А что, если ты мне продиктуешь номер?» И стала набирать, спокойно, уверенно, неспешно. Раздался звонок. Мне ответили, и я, передавая трубку, успела сказать: «Обрадуй его. Скажи, что мы очень признательны и собираемся к вам вылететь. Когда?» Он, быстро взглянув, точно повторил в трубку мои слова и замолчал. А потом, захохотав, объявил: «Они сказали: да хоть сейчас! Но лучше – через 5 дней, чтобы не задерживаться в Москве. Визы действительно готовы!»

А потом, вдруг пристально впившись взглядом, спросил: «А как? Как ты это сделала?» – «Не я, а ты... Просто перестал злиться и бояться. Этого достаточно для дела!» В это время в комнату вошел довольный Толик. Он притащил арбуз. «Сейчас опять начнет демонстрировать свой способ похудения. А арбуз ему – можно». Но смолчала, остро ощутив, что боль меня отпустила. Сияя, в комнату с казанком вплыла Наташа. И застолье было замечательным. Я всё повторяла про себя название чуда-блюда.

Дома в Алма-Ате друзья мои Изольд Коттель и Гала хохотали в голос, заявив, что и у них, и у нас, и у любых восточных людей это блюдо – норма в летнее время. Только названия разные. Просто берешь все имеющиеся под рукой свежие овощи, выкладываешь слоями в казан с растительным маслом и тушишь. Ну, еще на Кавказе, бывает, туда добавляют мясо! Я была посрамлена в своем желании «потрясти их воображение». Но ведь я везла рецепт из Одессы! От друзей! И, приготовив дома, убедилась – да, это уже было. И не раз. А «сотэ» или «рагу» – какая разница?

Но вернемся в Одессу. Сережа с Наташей доверительно и с чувством посвящали меня в свои планы. Говорили о скором отъезде, звали с собой. Наташа всецело поддерживала мужа. Мы делили трапезу с чувством давней и прочной симпатии. Толик, улыбаясь, сидел напротив и молчал.

Внезапно Сергей поинтересовался, глядя на меня: «Ты куда хочешь – в Кейптаун или Канберру?» И следом, как бы невзначай: «А свадьба когда?»

Онемев, молчала несколько минут. Затем сказала, помедлив: «Ну, для Кейптауна я – светловата, а для Канберры – наоборот». Повисла пауза. И в напряженном молчании раздалось жалобное: «Ну, я думал, спрошу здесь, при друзьях, согласна ты за меня, или...» Ответила сразу: «А прежде – никак? Ведь я – не свободна. Муж – художник. Он сейчас – в Алма-Ате. **И разве друзья так себя ведут?**»

Потом, по телефону, Толик просил прощения. И чего-то ждал. О Сереге сказал: «Он меня назвал лопухом и во всем винит меня. А от тебя – в восторге». Было не по себе, скверно и грустно. Но тогда из Одессы в Алма-Ату мы летели одним рейсом. Он храбрился, пытался что-то объяснить, а я отчаянно грустила. Молча. Рейс был через Тбилиси. С посадкой на два часа. И я, не выдержав,

«вылетела» из здания аэровокзала на площадь перед портом и стояла, волнуясь и пытаясь взять себя в руки. Сюда мы с любимым впервые прилетели по страшному поводу: провожать в последний путь отца. Но тогда же Ты признался, что любишь, и это стало клятвой и залогом счастья на все времена. Да, мы вернулись вместе в Алма-Ату, ставшую Тебе родной. А Тбилиси врос в сознание, сердце, душу вместе с любовью и стал родным навек. Но говорить об этом?!? Зачем? И вот, глотая слезы, я стою у стеклянной стены аэропорта, зная, что в общем-то не виновный ни в чем человек оказался мной смертельно обижен. Нет, не намеренно, конечно. Но кому от этого легче? А мое понятие дружбы, оказалось, далеко не всем близко и доступно. Толик рвался познакомиться с моей мамой. Безуспешно. Правда, соблюдая святой закон гостеприимства, я свозила его в мой Медео, на горный каток и стадион. И на выставку – чудо природы и легкой парковой красоты.

Но в дом пригласить не смогла, потому что этот друг не понимал очевидного – сердце мое занято навек, как и судьба, и вся жизнь.

Он звонил и звонил по телефону, передавая приветы друзей и спрашивал, не собираюсь ли я повторить визит. Нет, не собираюсь. Но случилось иное.

Встреча в Жетысае

В командировку на запад Казахстана летела впервые. Город Гурьев (ныне – Атырау) и район Жетысай. Параллельно – участие в симпозиуме «Художник и город» в Гурьеве на два месяца. В район меня отправляли на мини-самолете в сопровождении юной журналистки. Мои лекции перемежались с походами на крупные объекты закрытого типа, встречами со специалистами высокого класса из России, Британии, Германии. Это – нефтегазовые заводы и комбинаты, концерны и пр., и пр. «Здесь у нас как на Байконуре – единственная в своем роде лаборатория опытного производства для внедрения и широкого потребления. Благо, ученые собрались классные. Нам вместе интересно», – сообщил главный инженер самого крупного комплекса, сопроводив сначала по цехам, а затем – в самую «цитадель мысли». То есть мы были в центре управления, и это впечатлило. Чтобы потом «выйти в печать и свет» в публикациях республиканского масштаба, с большим резонансом.

Лекции мои встречали на ура, в основном были инженеры и рабочие «вахтовики».

Порядком утомившись, возвращалась в Жетысае в свой коттедж без всякого желания какого-либо общения. Время сжималось катастрофически. Но, признаюсь, удовольствие от сознания, что «всё – не зря», поднимало. Что мои слушатели и зрители прощаются с возгласами одобрения и благодарности, что задают вопросы не только о биографиях и характерах художников и эпох, но более глубоко, тонко, эмоционально. И находят параллели с собственной судьбой и нравом. А потому и о Рембрандте, и о Кастееве, и о Врубеле и передвижниках велись жаркие споры, и вопросы сыпались дождем. Но главное – взволнованные, удивленные, мои «болельщики» просили, требовали, уговаривали, настаивая на новых встречах. Иногда это получалось. Не объясняя, что это значит, предупреждали: не садись на «508-й веселый». Конечно, именно на нем съездила в город и вернулась в Жетысай. А на вокзале встретила с Анатолием. Он беспомощно взмахнул руками от удивления, обратившись в мальчишку, и застыл на месте. Я коротко объясни-

ла причину и цель здешнего пребывания. А потом забросала вопросами: «Как Эдичка? Что с его операцией? Когда? Что делает сейчас семья?» Толик наконец сообщил, что сборы идут полным ходом, деньги собирают успешно, осенью – вылет. А мне пора было спешно брать билет и уезжать. Снабдив алматинским телефоном друга-коллеги, Анатолий с жаром начал убеждать: «Оставайся здесь! Будешь работать замдиректора, получать 500 руб. в месяц. И – по месяцу отдыхать через каждый другой. Соглашайся! Отсюда всё близко, и твой Питер, и Москва. Будешь заниматься своей наукой! И отдыхать полноценно, на море! Не тяни, общи! Тут о тебе уже знают, я рассказал. А это – координаты главного инженера, он скоро будет в Алма-Ате!»

Ну, что было сказать? Без комментариев! Я поняла, что все мои новые друзья-одесситы – в «сборах». И они действительно вскоре улетели: в США, Канаду, Австралию, в Израиль. Кстати, и мои Коттели с сыночком уехали в Израиль тогда же.

А я, уже в Алма-Ате, позвонив, встретила с тем инженером: «Это – гречкие орехи и курага для Эдички. Передайте через Анатолия – помогает сердцу. Пусть он сам не слопаёт ненароком! Всего доброго!» И отдала пакет.

Не «гро», а «гра»...

Кстати, именно в западный регион Казахстана я летала с трепетом и удовольствием.

Конечно, прежде всего, в страну моих детских грез Мангыстау – город Актау (тогда – г. Шевченко). Там судьба подарила мне встречу с автором города, его легендарным архитектором и создателем, ленинградцем М. И. Левиным.

А чуть позднее – в Гурьев (ныне – Атырау), где всё меня удивило и покорило.

Но вот – форт Шевченко. Вообразите на миг: выхожу из павильона (сплошное стекло-бетон), где проходила **встреча со зрителем**, а передо мной прямо у ступеней – громадный верблюд! И – никого.

Не успев ни испугаться, ни удивиться, я потянулась к нему, глядя прямо в громадные влажные глаза, опущенные длинными густыми «девичьими» ресницами. Он медленно повернул царственную голову, оглядывая меня, переступил с ноги на ногу и важно развернулся, уходя по улице. Так хотелось погладить его, догнать, что-то сказать хорошее, но... Он скрылся за поворотом.

Вслед мне высыпала гурьба молодежи. «Вы видели? Нет, вы видели? Его же у нас бояться! Он – бешеный! Уходит со двора и гуляет сам по себе!» – «Да нет! Он – добрый и нежный! Я видела!»

Вот этот эпизод я и описала своим спутникам в самолете, летевшем из Гурьева в Москву. Они хохотали и удивлялись, интересуясь моими данными. Словом, проведя не один час в порту Гурьева, сильно уставшие, мы в самолете за краткий промежуток пути успели и вздремнуть, и поговорить. И, прощаясь, обменялись телефонами. Запомнилось, что один из них – москвич, другой – одессит, оба – «вахтовики». Москвич сопровождал меня до такси, когда вслед раздался вопль: не «гро», а «гра»... Я не поняла. Но спутник пояснил: «Его фамилия – Грабовский». Спеша, в суете, не среагировала. Это и было началом знакомства с Анатолием.

Позже среди телефонов, коими снабдил меня Толик, обнаружила ленинградские. Он пояснял: вдруг пригодятся, это – близкие друзья, если что – обращайся. И однажды случилось – надо было срочно лететь из Питера домой, а билетов нигде не оказалось. И – чудо! – девушка, номер которой дал мне Толик, сказала

просто: приезжай! В тот же день я улетела. И оценила главную, самую важную в жизни черту друзей: спасать, не задавая вопросов. И это, по счастью, встречалось мне еще не раз.

Ксане призналась, что Одесса мне «пришлась». Поистине, ценный сюрприз. На всю жизнь.

Кафедральный собор

Всегда воображая собор местом служб, литургии и церковных песнопений, и вообразить не могла, что может быть иначе. Но, приехав на выставку «Скульптура малых форм» и научно-практическую конференцию в Ригу, оказалась... в Кафедральном соборе. Именно там впервые предстали мне малые формы пластики под готическими, взлетающими сводами в каком-то странном диссонансе. Скульпторы – москвичи, питерцы, туркмены, кавказцы, таджики, «опознавая», радостно приближались поздороваться. (Мы прежде виделись на подобной экспозиции и конференциях в Ташкенте и Алма-Ате). И я с горечью и недоумением осознала: не место для светских мероприятий в подобных храмах веры. Причем это встречалось повсеместно: и в Питере, и в Москве, и в городах Казахстана... По счастью, это ушло в прошлое. И не щемит больше сердце подобная несурязица. А в храмы вернулась музыка служб и веры.

Но через годы, в том же Домском соборе, слушая орган, я ощутила дивное состояние подъема, словно сошло благословение небес на это диво архитектуры и людские души. Меня познакомили с директором музея при Соборе. И она подарила каталог с именем Николая Рериха. Рядом была моя Ксана. И, конечно, мы одновременно заулыбались. Разве это – случайность?

Духовное родство

В своей телепередаче о художнике Себастьяне Киракозове я позволила себе – впервые! – задать герою вопрос о его отношении к религии. И сослалась на одну из выставок, что провела в Риге моя подруга – искусствовед Ксения Рудзите, автор каталога с эпиграфом Анны Ахматовой: «Всякое большое искусство опирается на религию, вернее, веру в Бога». «О-о, это – хороший вопрос, и очень своевременный, – было мне ответом. – Художники всегда, издревле творили свой культ Бога, преобразуя его в своем воображении. Ведь люди, человечество были верующими всегда. Главный культ веры – Красота и Справедливость. И – сила духа. На том стоит мир!»

У Ксаны поинтересовалась, что ее интересует больше – художники-современники, старая классика или модерн, абстракция, вне формы. Она с пониманием приняла сей вопрос: «Каждый выбирает форму отображения по собственному образу и подобию. Важнее чувство, ведущее руку и душу художника». Я согласилась вполне. Нет и не может быть стандартов в искусстве изображения. Но выбираешь всегда ты сам! Потому, наверное, покоряют с первого взгляда и лучники с каменных гравюр Мексики и Франции, Испании и Казахии, Индии и Южной Америки, Северной Африки и Бурятии, Сибири и Скандинавии... И женская голова в царской тиаре – богиня любви, плодородия и семьи Умай есть не только в пантеоне древних божеств тюрков-казахов. Она встречается в разных регионах, повествуя историю предводительницы рода, нации, континента – Женщины. Она – продолжатель рода людского, и в ее власти – жизнь и счастье людей.

Всё это ясно и четко читается в каменных рунах прачеловечества. А в сегодняшних параллелях заметно через мощный всплеск интереса к этнокультурам. И – естественно, к экологии: духа, природы, космоса.

И об этом в своих совершенных и всем понятных по красоте и силе духа полотнох и писаниях рассказывал миру **Николай Рерих**. Исповедуя одну религию – веру в доброту и высокую идею служения миру, он преподавал урок нравственного совершенства и самопожертвования в начале мировых войн, провозгласив идею духовной чистоты и силы древних учений Индии и Тибета символом Истины. Его услышали, увидели. Создали фонды его имени. И приблизили мир.

Ксения Рудзите, внучка своего славного деда, продолжив его дело, создала свой фонд в Риге. Она стала автором книг, каталогов, альбомов Н. Рериха, объездив с его выставками полмира. И – параллельно – изучая древнюю культуру Махабхараты, Веды и писания, пришла к пониманию необходимости перемен в реальной жизни. Начав – в собственной. Итог – создание фонда одного из крупнейших просветителей индийской философии йоги «**Сахадж Марг**» («Естественная жизнь»). Более 30 лет в этом служении делу – открытию и просвещению сознания современников позволили ей обрести массу сподвижников и почитателей по всему миру. Это всё – вкуче с работой главным хранителем и научным сотрудником в Музее западноевропейского искусства Латвии. Параллельно – научная работа, защита диссертации о творчестве **Н. Рериха** (звание **магистра**). Признаюсь, почти одновременно в Питере, затем – в Москве мне привелось защищать то же звание на тему «**Национальные истоки искусства Казахстана – скульптура, графика 1960–90-х годов**». Позже определились исходные мотивы этих тем. И – их духовное родство.

Е. Сидоркин. Паланга

На теоретический двухмесячный семинар в **Литву** меня пригласили в Москве, в Союзе художников СССР. Но всё бы осталось на словах, если б накануне не раздался звонок: «Ты собрала документы? Поторопись, скоро – начало». В нашем Союзе художников секретарша ничего не ответила. Огорченная, поднялась в мастерскую на знакомом третьем этаже Дома художников.

Евгений Матвеевич Сидоркин был как-то грустен. «Подойди! Поближе!» – по требовал он, стоя спиной к огромному квадрату стеклянной стены. Боясь помять свой летящий белый блузон, сказала, пряча глаза: «Поближе не могу». И вдруг услышала: «Обними, может – это прощанье. Я ухожу». Вздвогнув, увидела его огромные горестные глаза и... улыбку. «Нет, такого быть не может! Не смейте даже думать! Это – неправда!» – я судорожно обняла его за шею и на мгновенье прикинула к широкой груди. Потом, отстранившись: «Вы мне обещаете!?!?» Тихо, усмехнувшись, ответил: «Ну, если ты просишь...» Боже, совсем как мой любимый через годы... А следом: «С чем пожаловала? Где была?» Я заспешила: «Мне надо в музей. Перерыв кончается, извините». Он настоял: «Скажи честно, что происходит?» Замявшись, не желая огорчать собой, призналась. И он стремительно двинул к двери, поманив за собой. Мы пришли в здание Союза художников, он вошел в кабинет председателя, за его столом что-то искал, позвал секретаршу, сказав сердито: «Найди!» Приглашение на мое имя в Палангу оказалось под зеленым сукном стола. Я наблюдала, ни-че-го не понимая. Оказалось, именно тогда Сидоркин замещал отбывшего в отпуск председателя Союза художников.

Протянув какой-то лист бумаги, он сказал: «Вот возьми. И поспеши в свой музей. Это – срочно. Доставай билеты – авиа, через Москву – Шереметьево-1. Запомнила? У тебя – только два дня. Успеешь?» Лихорадочно пытаюсь запомнить, пообещала: «Да, успею. И потом сразу – к Вам. Через месяц?» Продолжая улыбаться, ответил: «Да, да, возвращайся! До встречи, девочка!»

Помчавшись в музей, оформив отпуск, купив билет в Москву и Палангу (транзитом), лихорадочно кинулась за советом к Игорю Корогодину, художнику театра, соседу Сидоркина. А он... «Это же – в соседнем подъезде, на этом же этаже, через стенку. Пожалуйста, зайдем вместе!» Случилось странное: Игорь упал на колени. «Саулеша, пожалуйста, не надо. Он болен, лежит. А ты так сияешь, вся светишься! – и добавил сдавленно: – Давай лучше так: ты вернешься, и мы вместе пойдем, хорошо?» Я, невразумительно что-то пробормотав, оглушенная, уходила со слезами.

Потом мы пришли в траурный дом Сидоркина и слушали горестные слова Гульфайрус Мансуровны: «Он уже лежал, терпел адские боли и говорил мне: “Казашечка моя, как ты без меня? Держись! Поставь на ноги сына, он у нас – художник. По твоим стопам пойдет. Только не плачь! Ты, я знаю, все сможешь!”» И что-то из жизни в младенчестве сына, и из творческих минут, часов, дней, лет. И всё – о великой любви двух удивительных величин – Мужчины и Женщины – художников.

Это было через два месяца после моего отъезда в Литву. И – сразу по возвращении. Там меня застала страшная весть. Москвич – живописец Андрей Волков легко и бесшабашно сообщил дождливым вечером в Клайпеде. И потом в панике носил на руках, сопровождал в Палангу и удивлялся... А мои старшие «коллеги по цеху», маститые историки искусств, оказалось, все знали и ценили художника, человека, остролова и друга, зовя его просто «Женечка». 52 года – это не возраст ветерана и старца. Это – время взлета творческих свершений и зрелости, это – лето жизни! Но 30 сентября 1982 года сердце его перестало биться. И эта боль не отпускала долго, очень долго... А сейчас в душе трепещет благодарность Судьбе, Времени, Небу за встречу с такой Личностью. И живо его искусство, несущее радость жить и гордиться!

Паланга. Семинар

Моя Паланга начиналась с акварелей Марлена Темиргалиева, запечатлевших сумеречные краски сосен у моря, красные сполохи заката, серебро морских прибрежных аллей...

И, прилетев вечером, я кинулась к морю. И оказалась там, в этих красках дубрав и ельников, в полном безлюдной тишины просторе. Только гул моря...

Среди светил науки искусствоведения было непросто: затмевала их «звездность»: имена, звания, регалии, послужные списки. Но кто-то сразу привлек внимание простой и доброй подачей. Это – сосед, почтенный седовласый Михаил Ильич Флекель, питерец, завладевший моим вниманием после лекции о художнике, что его стараниями был впервые выставлен в стенах ГРМ (Русского музея). На всех композициях царила героиня: темноглазая, хрупкая девушка среди декораций архитектурного образца вне времени и пространства. Потом, после лекции, он сказал: «Я тебя обязательно с ним познакомлю!», смутив и удивив. Я не знала, что он – профессор и автор фундаментальных трудов по западноевро-

пейскому искусству. Потом, в Алма-Ате, увидев фолиант, поразились. А тогда, заметив косые взгляды, переживала: «Ты на нее очень похожа!» – «На кого?!» – «На героиню картин!» Странно, нелепо, несмешно... Оказалось, действительно так. Но это уже не столь важно.

Мне было удивительно тепло в компании Оны и Генриха Игитяна, Аудроне и Лаймы, и Витениса Римкуса, в доме музыкантов на берегу моря и в кабинете Конрада Настонка, врача нетрадиционной терапии: с музыкой и беседами. Они естественно, заполняли собой пространство дней и часов, проведенных совместно: на поляне с шашлыком и огромным горизонтом, прикрытом домами, где невдалеке пело море; под крышей дома с высокими голыми стенами, где великолепно звучал рояль, под навесом пристройки, где выбивал тарантеллу короткий крупный теплый дождь, а издали доносилась мелодия классики из литовского оперного наследия...

Все вели себя как дети: веселились, хохотали до упаду, поддевали друг друга, строили рожицы, рассказывали анекдоты и притчи. Словом, все были вполне счастливы. Это происходило по вечерам, когда от основной группы «ведов» мы как-то самопроизвольно отделялись. И шли с литовцами в гости.

Их неулыбчивый и молчаливый «стиль подачи» поначалу несколько удивлял. Но скоро, очень скоро всё оказалось совсем иначе. И, открывшись, они поразили радушием, детской непосредственностью и добротой. Потом долго-долго шли письма, телеграммы, звонки с приглашениями в гости. И – подарки: музыка на пластах и что-то вязаное вручную, книги и сувениры. Я удивлялась и радовалась, но никогда не усомнилась в их искренности и сердечности. И это – подарок на все времена.

Мы вместе ездили и в Каунас, и в Клайпеду, и в местные поселки, и в частные дома художников. И всюду на фоне серебряно-сизых морских пейзажей и великолепных прибрежных дюн звучала музыка ровного, приветливо-замедленного говора литовской речи, вселяющей чувство достоинства, покоя и уверенности. Прощаясь, слыша слова приглашения приезжать всегда, в любое время, с любимыми из родных, друзей, знакомых, я запомнила: здесь живут мои друзья.

Рига. Айварс. Рута

Рижские скульпторы уже были знакомы мне по международным симпозиумам и конференциям (как, впрочем, и другие балты). И, конечно, великолепный специалист по теории и истории скульптуры, доктор наук **Рута Чаупова**, знаменитый ваятель **Айварс Гулбис**, с кем познакомились в их приезд в Алматы. Тогда, не ведая, я встретила в их лице элиту латвийской монументальной и камерной пластики и вааяния. И встречи случались потом не раз, уже по официальным приглашениям, с визами и пр. Но сохранилось самое главное – сердечность и творческое взаимоощущение. Когда работы мастера, вызывающие восторг, звучат в консонансе с профессиональным и человеческим, личностным началом. Вот почему, наверное, в мастерской Айварса впервые я «потеряла голову», увидев колоссального «летающего коня». Он был подвешен к потолочным перекрытиям и действительно летел. Но мне-то это было внове – видеть грандиозный масштаб строения, где балки на высоте 15-20 метров. И это всё – в полной власти одного художника. Тогда он обронил: «Я плохо – по-русски. И... я больше мечтаю, чем делаю». Но эта скромность не была поддельной, в этом – суть блистательного

профессионала, создавшего неповторимый образ романтика, классика латышской литературы Вилиса Лациса в белом мраморе, парящего над зеленью парка.

Его камерные работы – нечто совсем своеобразное. Это – иллюзии и аналоги в легкой аллегории, или реалистичный торс женщины, обнаженно-преображенный, с намеком на детали кружевного белья, это красные заостренные в танце формы – синоним пары: Он – Она... И в каждом произведении – фантазия и несбывшаяся, близкая и непостижимая мечта. То, о чем он обмолвился прежде

А в детях своих – их трое – он воспитал собственным примером – ту же тягу к прекрасному. И сын, и обе дочери стали художниками. Сын – скульптор. С ними он познакомил легко и непринужденно в доме своем, где основное помещение – тоже его мастерская.

Вместе с Рутой Чауповой он зимой возил меня в Юрмалу к морю. Не в музей, не на выставку, не в официальные пенаты, а туда, где мне пригрезилась встреча...

И так и случилось: огромное солнце на все небо, грохот падающей воды, пес, прыгающий под рукой хозяина у самой воды и – солнечное биение волн...

Всё это – в унисон с музыкой наших сердец, излучающих звуки радости... Всё это происходит, как осознание, позже. Но длится и теперь, освещая жизнь.

Айварс. Зимняя встреча

После длительной, в несколько лет, паузы, вновь оказалась в Риге, в канун Рождества. Ксана и Ромуальд с детьми тепло, радушно приняли. Как всегда, теперь уже после оформления приглашения и визы, через посольство Латвии в Москве. Словом, воздух наполнен праздничным ожиданием и детским смехом. С дочками Ксаны Анечкой и Машей отношения сложились не просто доверительные.

Рута Чаупова подарила мне, при всей безмерной занятости, почти три дня. Об Айварсе мы не заговаривали. Он был в «новом качестве». Вернее сказать, подвергся травле в связи с переоценкой ценностей и осуждением всего советского. Нелепо, глупо, жестоко? Да, конечно. Но говорить об этом? По телефону? А встреча казалась нереальной.

Но – позвонила. И – удивительно! – сразу получила согласие увидеться.

Мне живо вспоминается кафе для художников в центре города, неподалеку от железнодорожного вокзала.

Там царил рождественский колорит: полумрак, елка при входе, мягкий свет свечей и электрогирлянды на фоне темных тяжелых портьер. И – картины на стенах. А в глубине, за стойкой бара – едва заметная фигура.

Оказалось, в этом, почти пустом, зале мы с Айварсом Гулбисом – главные гости. Разговор незаметно коснулся животрепещущих проблем и перешел в бурный, хотя и приглушенный нашими голосами диспут. Да, Айварс «болеет» проблемами Дома своего – Латвии. И его сдержанные интонации, тем не менее, обнаружили боль и негодование по поводу провокаций («московских», как их здесь называли с определенным выражением лица), той «холодной войны», что ведут эти глупые «союзники мира».

Рядом скользили – неслышно, незаметно – официанты. Юноши – их было двое – всё заметили и на всё среагировали. Кофе был отменным, следом – пирожное, занявшее целое блюдо с шоколадной крошкой и подписью. Поздравительной! Ответом на мое удивление были тихие понимающие улыбки. А следом за кофе Айварс сделал сюрприз, извлекая содержимое своего пакета. Там был настоящий

рижский ром в керамическом сосуде (о Господи, накануне то же преподнесла мне для Мамы Ксана моя. А я, неблагодарная, ужаснулась – вес подарка испугал!). И конфеты – огромная, нарядная коробочка шоколада!

Мы вышли на светлую улицу и завернули к магазину с витринами, расписанными изображением роз – книги! Великолепный дизайн! Первое, что бросилось в глаза – качество печати, бумаги, стиль, вкус. Выбрали новогодний календарь. На память от Айварса – с видами Латвии в разные времена года. И так трогателен был этот дар!

Мы шли по мокрой мостовой – снега было мало – в сторону Музея, к моей Ксане и торопливо договаривали то, что еще не успелось. И ощущалось пронзительно остро, что так много недосказанного! И столько хорошего!

Айварс явно опаздывал куда-то, но не проявлял этого внешне. И ввел меня в Музей. Взял координаты Юстаса, обещал передать мою статью о нем.

Грустные, всё понимающие глаза лучились таким светом добра и печали, что я не выдержала. И обняла. В ответ мне поцеловали пальцы. Всё происходило в фойе. В проеме двери возникла фигура Ксаны. Айварс медленно развернулся и ушёл.

А я побрела в сторону кабинета подруги.

Юстас. Клайпеда. Гируляй

В тот первый приезд в Алма-Ату на симпозиум скульптуры международного масштаба, на конференцию и Пленум Союза художников СССР, Айварс при знакомстве удивил. Я провожала их с искусствоведом Рутой Чауповой на аэровокзал. Быстро поднявшись со скамьи, он вдруг тихо, с силой произнес: «Сауле! Приезжайте к нам! С мамой, с семьей, с другом, сами! Приезжайте всегда!» Это было так неожиданно, что я растерялась. И промолчала, а Рута, улыбаясь, поддержала: «В самом деле, у нас интересные выставки скульптуры, квадриеннале – раз в четыре года, ежегодные пленэры, приезжайте!» И попросила сообщить ей координаты: адрес и телефон. Мы тепло простились, и я помчалась к своим скульпторам – участникам симпозиума и предстоящей выставки. Делала телепередачу и писала о них. Сразу выделив из шестнадцати участников одного, литовца Юстаса. Молодые, собранные, охваченные добрым по сути соперничеством, они «вгрызались» в камень: курдайский гранит, песчаник, лабрадорит с таким упоением страсти и творческим азартом, что невозможно было «остаться в стороне». Работа длилась, особенно на завершающем этапе, сутками. Горы гулко резонировали. Вокруг – великолепии предгорного Заилийского Алатау: ели, сосны, березы, рябины, яблони... И вдруг выпал снег! Но мои друзья не сдавались, упрямо «доводя» свои произведения до финала. И собравшись в выставочном зале Союза художников Казахстана, где проходила Первая выставка скульптуры республики, удивились уровню – высокому, профессиональному, духовному. И говорили в камеру ТВ нежданно теплые, проникновенные слова, признаваясь в добрых чувствах, благодаря и напутствуя. Увы, телепередача вышла в эфир позже, после их отъезда. Но сценарий вместе с фотографиями и слайдами я разослала и передала всем. Юстас же вручил мне живописный пейзаж: «Снег и яблоки». И признался, что это – впервые. И подписал: «Юстас. Клайпеда. Гируляй».

А в канун отъезда, когда работы были установлены в парковых зонах Алма-Аты, мне вновь позвонил **Юстас Мицкявичус**. Он приехал с просьбой: чтобы его с тяжелыми, неподъемными инструментами встретили в Вильнюсе, куда он

возвращается. Позвонила в Ригу. Ответ был краткий: буду! Это Айварс Гулбис, услышав просьбу мою и Юстаса, согласился и встретил. А Юстас, благодаря, сказал: «Скульптура – как дитя. И чтобы за тысячи километров знать, что она имеет хозяйина, я дарю её тебе». Так «Икар» стал моим. И всего моего Казахстана. Королевский дар! И – память о Литве и Латвии. О друзьях!

Марите, Марис, Солнце

А Ксана, познакомив, подружила нас с самой близкой подругой своей Маритэ. Филолог, умница, ныне – профессор университета, она с первой встречи приняла меня к сердцу. Как и я. И мы потянулись друг к другу. Марис – имя ее мужа. Марис, Маритэ – от моря. В доме у Маритэ мы впервые были с Ксаной зимой. Я немного волновалась – незнакомый дом, муж... Но стоило нам после застолья и беседы подняться из-за стола, как неулыбчивый Марис вдруг сел справа, а слева – Маритэ. Они, приобняв за плечи, улыбнулись мне. И тогда раздалось: «У нас в доме – Солнце!» И подарок – белая, очень забавная и трогательная белая коровка в розовой юбке, с колокольчиком на шее (мой год – Быка). И требование – не забывать, не оставлять этот дом! Что было сказать? «Saule» – по-латышски – Солнце. Спасибо, друзья мои!

Над облаками

Так назвал свою притчу о любви великий Мастер кино Антониони. А у меня это – ощущение бесконечного парения над Землей, собой, всем привычным и обыденным, родилось в полете. Круг окна – иллюминатор – вдруг обратился в око Вселенной, подарив на несколько мгновений невероятное чувство свободы, любви и радости. Мгновения эти длились, длились... И обрели наконец форму мысли, слова, чувства. Я возвращалась из Риги. Домой, в Алматы.

Восемь веков и три дня

Латвия – крошечное государство на побережье Балтии, вместившее в себя всё волшебство северной природы: леса, озера, реки, льдистая синь неба, и самое главное достояние – море. Рига, лежащая в ожерелье хвойных лесов, словно отражает блеск и магию холодного моря, близко подступившего к красавице – столице.

Этот город не однажды дарил меня своим великолепием. Минуло более полувека с того дня, как мне привелось впервые ступить на эту благословенную землю. Поздняя весна, май 1981-го, беспечность юности – всё обрело сияющие, неповторимые краски в ту первую встречу. Позже – выставки скульптуры малых форм в здании Собора Святого Петра, конференции, симпозиумы скульптуры на пленэре, quadriеннале скульптуры... Конечно в профессиональной сфере эмоции должны не преобладать, идти рефреном. Но, признаюсь, Рига всегда трогала сердце много сильнее других городов. И самые близкие друзья родом отсюда. Что же завораживает в ней и заставляет громче стучать сердце? Сформулировать словами невозможно. Просто ощущаешь себя здесь... дома. Ясность, достоинство, сдержанность в каждом жесте, движении, открытом взгляде будят ответную реакцию, и благодарность наполняет душу. Здесь не в чести бахвальство и высокие слова. Глаза говорят лучше.

Что же заставляет меня теперь признаться в любви этому скупому на внешнее выражение чувств городу и его обитателям? Наверное, потрясение. Прежде я полагала, что это относимо лишь к сфере трагических переживаний. Опровер-

жением стало подобное состояние в миланском баптистерии, а затем – в Индии. Представить, что это может повториться еще раз, казалось невозможным. Но вот вспоминаю сверкающий калейдоскоп лиц в самом центре старой Риги в день открытия праздника – всенародного поистине! – 800-летие города. Фейерверк радости!

Три дня, как три столетия в бесконечном светлом пространстве Любви, пронизывающей людские души и лица. Они собрались здесь, чтобы увидеть и ощутить восьмивековую историю своего Отечества, показанную в разных ипостасях

История Латвии – в лицах

Кто же, кроме Художников – слова, кисти, музыки, театра, кино – смог бы лучше отобразить прошлое, настоящее и будущее Риги? Именно их стараниями этот праздник обрел масштаб всенародный и глобальный. Как это происходило? Подготовка к августовскому торжеству началась почти за год до события. Со всего мира были приглашены и знаменитые латыши-музыканты, оперные певцы и актеры, спортсмены, выдающиеся личности, и просто гости, пожелавшие в знаменательный год 800-летия Риги и первый год нового тысячелетия и века принести свой дар. Отменная режиссура! Программа праздника включила три больших раздела: «Сотворение Риги», «Рига в веках. 800 лет – 800 минут» и «День Будущего. Рига принадлежит детям».

Все горожане, вся Латвия, все латыши с разных точек земного шара, все гости, собравшиеся на каменном пяточке в сердце старого города, объединились, словно в тесном объятии. Взволнованные, улыбающиеся, залитые светом нескрываемой нежности лица старых и юных, молодых и почтенных, излучают невыразимую словами любовь, гордость, доверчиво открыты миру. Море детских голов над плечами родителей! Порядка трех миллионов людей прошло в эти три дня – 17, 18, 19 августа 2001 года через массу увлекательных зрелищ, шоу, представлений, выставок, концертов, праздничных программ. И никто не оказался чужим или только наблюдателем. «Рига танцует», «Рига и спорт», «Рига – детям» и множество иных программ, тщательно срежиссированных, тонко, со вкусом оформленных и – самое главное – замечательно точно выражающих дух древней столицы, обладающей всеми атрибутами каждой из прожитых восьми эпох, включая нынешнюю. Этот день – а в программе выступлений каждая минута отождествлялась с годом – ничуть не ослабляет впечатления грандиозности Живой истории. В нем переплелись классический балет со звездами оперного театра Латвии, симфоническая музыка, где В. Синайский, прилетев из Амстердама, дирижировал оркестром Латвии, блистательный джаз молодых с аккомпанементом виртуозного, юношески веселого и седовласого Раймонда Паулса, супервидеофильм «Волшебная флейта» о творчестве сценографа Илмарса Блумберга, рок-музыка местных звезд всех возрастов и течений, средневековая, ренессансная и барочная музыка камерных оркестров у Собора Святого Петра.

Здесь, в Соборе, состоялась моя встреча с удивительной женщиной – седой, статной, с юными глазами. Она поведала историю Собора, спасенного Петром I от гибели, провела по зданию, а на прощание подарила томик своих стихов. Директор музея – Собора Святого Петра – Марианна Озолиня оказалась тонким поэтом и руководителем Общества Н. Рериха в России.

«Цветочная река», созданная по руслу некогда текшей здесь Ридзене и давшей имя городу, струится по всем улицам города, радуя глаз соцветиями радуги.

Состоялось открытие массы выставок: «Три звезды – три короны» (совместно со Швецией) в здании Арсенала, «Метрополь. Рига» на Бирже, на газонах в центральном сквере, в парках и прямо на мостовых, «Живопись и скульптура на траве». Весь третий день был посвящен детям: спектакли, мультфильмы, представления, концерты, конкурсы, танцы. И всюду – музыка и улыбки. Восемь веков древности и десять лет независимости, сияющие на лицах людей.

Моцарт сегодня

После трехдневных торжеств вместе с Рутой Чауповой, вице-президентом Союза художников Латвии, доктором искусствоведения, членом экспертных советов ЕС, стран Балтии и пр., и пр., мы побывали на выставке **Илмарса Блумберга**, завоевавшего мировую известность как неординарная личность и одаренный художник. Именно он – художник десятиминутного документального фильма «**Моцарт. Волшебная флейта**», который на огромном дисплее в течение многих часов показывали у Дома Конгрессов в первый день праздника. Зрелище несравненное! Отсмотрела три раза без остановок... Не только молодежь была в восторге. На 49-м Венецианском «Биеннале» фильм был особо отмечен. Чарующая музыка лучшего из созданий гениального Моцарта звучит в странном консонансе с лимонно-охристой гаммой живописного триптиха, посвященного Моцарту. «Это – сегодняшний, состарившийся Моцарт, а это – “мышка”, на которой он работает», – посмеиваясь, показывает свое детище автор, испытующе глядя в глаза. Выдержав, предлагаю запечатлеть. И – щелкаю. Рафинированный ценитель прекрасного, только что посмотрев «Аиду» со сценографией того же Блумберга, Чаупова с чувством отзывается: «Это – гениальный художник!» Редкая похвала!

Встреча с продолжением

Надо сказать, что долгое время о балтийской скульптуре болельщики всех регионов узнавали из блистательных публикаций искусствоведа Р. Чауповой. Осенью 1986 года в составе большой делегации из всех республик СССР она впервые приехала в Алма-Ату на научную конференцию, посвященную проблемам скульптуры. Тогда и случилась наша встреча, превратившаяся в константу интересов профессиональных и дружеских. И положившая начало моему серьезному изучению скульптуры как вида искусства. А теперь это стало поводом к приглашению на 800-летие Риги и все мероприятия, с ним связанные. Конечно, в первую очередь для меня это были ваение и пластика.

Станковая скульптура Латвии была показана на выставках «Три звезды – три короны» на Бирже и в Арсенале «Рига. Метрополь». Множество малых форм – в парках, где камерные композиции из камня естественно, гармонично возникают из шелка травы. Необычайно выразительны бронзовые фигуры на внешней стороне парка или на краю тротуара. Таков «**Уличный художник**». Бедняк, писавший на спичечных этикетках и коробках, за гроши продававший свои «ювелирные» пейзажи, был всегда элегантно одет: цилиндр, длинное пальто с ярким шарфом и алым цветком в петлице. Эта личность запечатлена в бронзе. На мгновение он прислонился к легкой решетке сада. И кругом, даже на краешке полей цилиндра – яркие букетики живых цветов. Его помнят и любят. Значит, скульптура живет, как и память о художнике.

Сад скульптуры

А в отдалении от центра, в благоуханном великолепии Ботанического сада расположился Центр скульптуры. Здесь, среди роскоши уникальных растений, в уединении живописной красоты зелени, живут каменные изваяния разных лет и разных авторов. Много молодых имен. Объединяет природа и потребность авторов в красоте.

Президент Центра скульптуры, молодой художник **Гирт Бурвис** увлеченно делится планами и рассказывает об идее создания и реализации проекта центра. Объединившись, они взяли в аренду у Ботанического сада часть территории, и теперь это – единая среда, где в одной из застекленных оранжерей устраиваются выставки, в отдельной зоне – парк скульптуры под открытым небом, а в павильоне художники трудятся над своими новыми творениями. Разные поколения художников представлены здесь. И царит дух хорошего соперничества, цель которого – радость горожан. Все скульпторы – участники выставки, посвященной юбилею любимого города, как и симпозиума скульптуры. На прощанье Гирт вручил мне каталог и фотографии. А Бруно Пулс, зрелый мастер изваяния, настаивал на встрече, чтобы продолжить разговор о культуре Востока и его завтрашнем дне. И мне ничего не оставалось, как пообещать приехать вновь. Скоро.

Параллели и гармония

Старая истина гласит, что притягиваются друг к другу лишь близкие души и предметы. А у меня цветной калейдоскоп ассоциаций выстраивается в поразительную картину сходства Латвии и Казахстана. Причем есть в этом видении реальность завтрашнего дня, уходящая корнями в глубокую древность. Символом казахской культуры считается золотой воин, воздвигнутый на главной площади Алматы, венчая обелиск Монумента Независимости. Но наука в течение четырех десятилетий приносит всё новые аргументы в пользу гипотезы о том, что воитель в золотом одеянии – женщина. Кстати, наверное, неслучайно именно в Риге отливалась эта фигура памятника. Великое женское, материнское начало Природы проповедует древняя история Казахии, а могучее дыхание Востока испытывает на себе весь мир, облачаясь в его одежды, ставшие пиком веяний общемировой моды, вникая в его философию духа и тела, совершенствуя умение в его спортивных формах. И величайшую роль в Дне Грядущем Восток отводит Женщине.

Латвия, опережая всех, явила миру себя в лице первого Президента **Вайра Вике-Фрейберга**. Она получила благословение (летом 2001 года) тибетского Далай Ламы, лауреата Нобелевской премии мира. Он приезжал сюда и говорил с латышцами в Риге о жизни, счастье и человечестве.

В 1993 году здесь был Папа Римский Иоанн Павел II, освятив своим появлением Аглону, духовный центр Латгалии.

А осенью 2001 года, по приглашению первого президента страны Н. Назарбаева его принимала Астана, молодая столица независимого Казахстана.

И весь Казахстан склонил головы перед великим представителем духовенства. Здесь были в те дни представители всех конфессий с разных точек земного шара. И шел серьезный разговор о будущем мира. Сюда слетелись «папарацци», дабы услышать, увидеть, узнать Казахстан. И были покорены, удивлены, тронуты.

А нарядная юная столица явила себя подлинной столицей государства, где сплелись воедино черты Азии и Европы, где Восток и Запад соединились в тесном конгломерате.

И немалую роль в этом зримом облике нового города нового тысячелетия составила скульптура – монументальная, парковая, пленэрная. То, о чем А. Бурдель отозвался: «Скульптура – цветение архитектуры», здесь обрело неповторимое звучание. И монументальный памятник национальному герою, великому хану казахов Кенесары Касымову великолепен в своем классическом воплощении молодым скульптором **Нурланом Далбаем**. Именно он в числе авторов Монументу Независимости для Алматы два года провел в заводских цехах Риги, занимаясь отливом скульптур. Памятник хану Кене, который на горячем коне из бронзы высоко вознесся над Ишимом символом Свободы, соизмерим с творениями Фальконе и кондотьером Гаттамелатой.

Он украсил собой облик северной столицы с её просторными, широкими магистралями, открытыми пространствами площадей, парков, скверов, стройными нарядными вертикалями новых зданий на берегу Ишима, одетого в гранит под высоким, прозрачным, неохватным небом сияющей голубизны. Новизна и броская красота, казалось бы, могут и должны противостоять старой, выверенной временем и вкусом архитектонике Вец Риги. Однако происходит нечто иное. Определимо это симбиозом, когда при сравнении двух городов видишь поразительное взаимодополнение. И вместо контраста – гармония древнего и юного, старого и молодого, как всё и бывает в этом мире.

С высоты

И было трогательное прощание с городом, его дивным старинным обликом и дорогими людьми, здесь живущими. На моем столе всегдашним напоминанием сверкают обложки буклетов с причудливыми формами латышской пластики.

Мой Казахстан, как и Латвия, став суверенным государством, отмечает свой юбилей Независимости. Юный юбилей, как он созвучен празднику восьмивековой Риги, столицы сестры моей, Латвии! А радость встречи стала возможна благодаря узам, о которых латышский режиссер Ансис Эпнерс сказал: «Мы часто мучаемся разными комплексами – находимся в клубке, внутри, внизу. В такие минуты надо посмотреть на себя со стороны. Мой тост для Риги: «Посмотрите на себя и Ригу с высоты!»

И вновь перед глазами облака и графика одиночества в стиле Антониони. Но прежде – вечное сознание неповторимости мига бытия, когда он есть Любовь. Рига, Моцарт, скульптура, улыбки друзей на доброй планете Земля.

И вся Балтия, увиденная глазами Любви.

